

Теперь, когда появился такой занозистый малый, как Фан Уцо, его гнев разгорелся в полную силу.

Напрягая мускулы, развитые не хуже, чем у огромного медведя, и заставив их вздуться и налиться силой, инструктор по практическим занятиям оттолкнулся ногами от земли и взмыл на тренировочный помост. От мощного приземления инструктора по твердой поверхности помоста пошла трещина, и в ней образовалась огромная выбоина.

Хотя Фан Уцо был Стражем класса В, обладал подтянутым и стройным телосложением, по сравнению с инструктором, напоминавшим целую гору, он всё же казался недостаточно внушительным.

— Хорош, ничего не скажешь. Первый ход за тобой, а эта внезапная атака и впрямь оказалась занятной, — холодно произнес инструктор по практическим занятиям.

На лице Фан Уцо не было ни радости от похвалы, ни напряжения перед лицом предстоящего лобового столкновения с инструктором. Он держался с абсолютно невозмутимым видом, столь же естественным, как если бы они рассуждали о том, что приготовить на ужин:

— Инструктор отлично меня обучил.

Какая наглость! С каких это пор он учил его устраивать исподтишка такие внезапные нападения?

В головах у всех мелькнул огромный вопросительный знак, особенно у инструктора: в его ушах слова Фан Уцо звучали не иначе как откровенная насмешка и издевательство.

Хех, изначально, помня о требованиях Академии Черной Башни растить таланты, он собирался оказать Фан Уцо особую заботу. Но раз уж Фан Уцо оказался столь неблагодарным, придется проявить эту особую заботу совершенно иначе.

— Ладно, тогда теперь я буду тебя учить, а ты уж постарайся как следует усвоить урок! — глаза инструктора сузились до щелочек, излучая свирепый блеск, и он направил свое Духовное Тело — гигантского медведя — прямо на золотисто-пернатую птицу Фан Уцо, чтобы безжалостно схватить ее.

Нападающий на птицу медведь со стороны казался забавной игрой, но присутствовавшие Стражи прекрасно понимали, насколько серьезна и напряжена была эта атмосфера.

Вокруг бушевали и сотрясали воздух волны Духовной силы. Фан Уцо крепко сжал губы, не сводя глаз со своей золотисто-пернатой птицы.

Хотя летающие Духовные Тела обладали гибкостью и в теории имели преимущество в бою, из-

за ограниченности пространства для маневра у птицы почти не оставалось свободы движений.

Перед тем как подняться на помост, инструктор небрежно активировал защитное устройство, из-за чего золотисто-пернатая птица, и без того стесненная в пространстве, оказалась заперта на этом клочке земли и не могла взлететь высоко.

В подобных обстоятельствах попытка медведя поймать птицу была равносильна поимке черепахи в кувшине.

Фан Уцо вновь направил птицу, заставляя ее уклоняться от острых когтей медведя, и бросил взгляд назад: инструктор смотрел на него с ухмылкой.

Фан Уцо тоже улыбнулся. Его золотисто-пернатая птица внезапно прекратила трусливые увертки, развернулась, вцепилась острыми когтями в плечи медведя и рывком потянула двухметрового гиганта вперед, прямо на себя.

По инерции медведь подался вперед, и золотисто-пернатая птица Фан Уцо наконец сошлась с ним в рукопашной схватке.

Внимание остальных курсантов было полностью приковано к противостоянию Духовных Тел, и лишь инструктор неотрывно смотрел на самого Фан Уцо, всё сильнее сжимая кулаки.

Фан Уцо, сжав кулаки, сам пошел в атаку на медведя — Духовное Тело инструктора!

— Ха, он что, забыл про меня? — суставы пальцев инструктора громко хрустнули. В ту самую секунду, когда Фан Уцо собирался нанести удар по Духовному Телу медведя, инструктор ответил сокрушительным ударом ноги с разворота.

На лице Фан Уцо промелькнула улыбка человека, чей план увенчался успехом.

Он резко крутанул тазом, его фигура мгновенно припала к земле и исчезла из поля зрения инструктора. Двигаясь с легкостью и гибкостью собственного Духовного Тела-птицы, он поднырнул под ноги инструктору и дернул того на себя!

Потеряв равновесие на долю секунды, инструктор быстро взял себя в руки и вцепился в плечо и локоть Фан Уцо:

— Посмотрим, куда ты теперь спрячешься.

Он и не подозревал, что именно в этот момент план Фан Уцо полностью удался.

В грубой силе он, конечно, не мог тягаться с прошедшим огонь и воду инструктором по практическим занятиям, но это вовсе не значило, что победа была невозможна.

Требовалось лишь заплатить небольшую цену.

Два сухих щелчка — звук вылетевших из суставов костей раздался прямо в руках инструктора: Фан Уцо собственными руками вывихнул себе плечо!

Сколько лет инструктор проработал в Академии Черной Башни, но разве доводилось ему встречать курсантов, способных на столь жестокое обращение с самим собой?

На мгновение он опешил, ослабил хватки, и этого оказалось достаточно, чтобы Фан Уцо чудом выскользнул из его рук.

Фан Уцо ни за что упустил бы столь редкий шанс: даже несмотря на то, что из-за вывихнутого плеча рука повисла плетью и совершенно не слушалась, он поднял вторую, целую руку.

Внезапно блеснул холодный свет — едва заметный отблеск металлического лезвия отразился в глазах инструктора.

Этот парень Фан Уцо пронес с собой нож!

Зрачки инструктора резко сузились.

Их Духовные Тела продолжали отчаянную схватку, а рука Фан Уцо находилась слишком близко к его голове. На таком расстоянии — удар ли по глазам, по виску или в любое другое уязвимое место — этот клинок в сочетании с силой Стража гарантировал, что он умрет с открытыми от ужаса глазами.

Человек, способный собственными руками вывихнуть себе плечо, столь беспощаден к себе самому — с какой стати ему проявлять милосердие к другим?

Его кровь словно застыла в венах, и лишь мозг работал предельно ясно. В доли секунды он принял решение, которое посчитал единственно верным, и громко заорал:

— Стоп!

Фан Уцо действительно замер.

И воспользовавшись этой паузой всего в несколько миллисекунд, инструктор с силой швырнул Фан Уцо оземь.

Скривившись от боли, Фан Уцо глухо застонал, и в тот же миг что-то звякнуло, отразив серебристый свет, и выпало из его онемевших пальцев.

Это был вовсе не нож, а ромбовидное серебряное украшение, сорванное с парадного мундира Академии Черной Башни.

Инструктор тяжело и прерывисто дышал, наконец осознавая пугающую реальность:

Фан Уцо! Этот гад! Черт побери! Он просто обвел его вокруг пальца!

Лицо инструктора побагровело и почернело от ярости. Его рука, прижимавшая плечо Фан Уцо, начала медленно сжиматься с такой силой, что ему отчаянно хотелось прикончить наглеца прямо здесь и сейчас.

Фан Уцо казалось, что вывихнутая кость вот-вот превратится в крошево под пальцами инструктора. Боль была настолько дикой, что в глазах потемнело; судорожно втянув воздух ртом, он кое-как выдавил из себя улыбку:

— Инструктор, вы же сами скомандовали «стоп», так что бить меня больше нельзя.

Лицо инструктора то зеленело, то краснело, а то и вовсе чернело: команду «стоп» отдал он сам, и все присутствовавшие видели это своими глазами.

Пока поединок не окончен, он мог бы прикончить Фан Уцо прямо на помосте, и никто не посмел бы его упрекнуть. Но теперь, когда бой завершен, нападать на курсанта с кулаками было против всех правил — как по человеческим понятиям, так и по уставу. Если бы он настоял на своем, его неминуемо ждало наказание от Академии.

С трудом умирив бушевавшую в груди ярость, инструктор изобразил свирепую улыбку и, отвернувшись от зевак, тяжело хлопнул Фан Уцо по вывихнутому плечу:

— Ах ты, щенок...

Фан Уцо и без того был бледен как полотно из-за невыносимой боли, лишившей его лицо всяких признаков крови.

Преодолевая себя, он с трудом поднял уцелевшую руку, впился пальцами в запястье инструктора так, что ногти едва не вонзились тому в плоть, и процедил:

— Всему этому меня научил инструктор.

Ярость инструктора вспыхнула с новой силой. Ему хотелось прямо на месте разmozжить голову Фан Уцо, но он был связан по рукам и ногам.

Пока он оставался инструктором Академии Черной Башни и планировал и дальше здесь работать, ему приходилось соблюдать установленные ею правила.

Внезапно тяжесть на плечах исчезла.

Рука инструктора, державшая его мертвой хваткой медвежьей лапы, разжалась, и он медленно поднялся на ноги.

— Что ж, раз среди нынешнего поколения Стражей Черной Башни завелся такой студент, мне непременно нужно доложить об этом вышестоящему руководству и порекомендовать столь выдающийся талант, — глядя на Фан Уцо опасным взглядом, проговорил инструктор. Его руки, опущенные вдоль туловища, были так сильно сжаты в кулаки, что костяшки побелели.

Освободившись от тяжести чужого веса, Фан Уцо наконец получил возможность перевести дыхание. Лежа навзничь на земле, он жадно ловил ртом такой редкий и желанный свежий воздух. Но это мгновенное облегчение продлилось всего пару секунд — скривясь от боли, он ухватился за собственную сломанную руку и с трудом поднялся.

Холодный ветер тренировочной базы обдувал капли пота на его лбу, принося легкое освежение, а остаточное тепло после яростной схватки приятно уравнивало этот прохладный порыв.

Одна рука Фан Уцо безвольно висела плетью, опрятная форма измялась, а вымокшие от пота пряди волос липли ко лбу, придавая ему крайне потрепанный вид.

Но глаза его горели удивительным, ослепительным блеском. Даже в таком жалком состоянии он излучал небывалую энергию.

Выпрямив спину и глядя прямо в глаза инструктору, он произнес:

— В таком случае я должен поблагодарить инструктора за особую заботу. Впрочем, вашу рекомендацию лучше оставьте тем, кто в ней действительно нуждается! Ведь я победил с помощью хитрости, так что честной эту победу не назовешь.

Не только инструктор, но и все собравшиеся вокруг курсанты смотрели на Фан Уцо странными взглядами.

Значит, он прекрасно понимал, что его методы были бесчестными?

Но какой смысл говорить об этом сейчас? Сражаться с помощью Духовного Тела, без колебаний покалечить собственную руку, вынудить инструктора первыми объявить остановку боя — и тут же отказаться от его рекомендации.

Чего же добивается этот Фан Уцо? Теперь в его поступках окончательно перестали смыслить хоть что-то.

Инструктор долго молчал. Студента, который настолько жаждал победы любой ценой, но при этом словно бы ничего не просил взамен, он встречал впервые.

Появись такой человек среди равных ему, он несомненно стал бы крайне опасным и неудобным противником. И хотя Фан Уцо пока оставался всего лишь курсантом Академии Черной Башни, его поступки уже заставляли инструктора испытывать глухую тревогу.

Хладнокровие, отсутствие слепого следования правилам, четкие цели, стойкость перед лицом внешних раздражителей... и самое страшное — его безжалостность к самому себе.

Вывихнуть собственную руку — да он сделал это не моргнув глазом!

Пять чувств Стража развиты необычайно остро, и болевые ощущения входили в этот список.

В Академии Черной Башни курсантов начинали тренировать с трехлетнего возраста, и большую часть времени уделяли именно тренировкам на переносимость боли. Рано или поздно им предстояло отправиться в Пустошь, где увечья и боль неизбежны.

И тем не менее, даже среди них находилось немало тех, кто пасовал в бою из-за физиологически неконтролируемой боли. Стражи высоких классов еще могли кое-как подавить ее силой воли, но взять и своими руками выбить собственный сустав... Для обычного Стража такое поведение было уже за гранью понимания.

Одолеваемый тяжелыми мыслями, инструктор окинул Фан Уцо оценивающим взглядом:

— Чего ты добиваешься?

Совершенно невинным видом Фан Уцо приподнял единственной уцелевшей рукой свое вывихнутое запястье и ответил так, будто это было само собой разумеющееся:

— Я хочу пойти в лазарет.

<http://bllate.org/book/25821/3086033>